

BOŻENA ZOJA ZILBOROWICZ <https://orcid.org/0000-0002-2850-6308>

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

**ЖЕСТ ПАЛАЧА ИЛИ ТЕЛО КЛЕЙМЕННОЕ ИСТОРИЕЙ
(ПРЕДЕЛ ЗАБВЕНИЯ СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА)**THE EXECUTIONER'S GESTURE, I.E. BODY MARKED BY THE HISTORY (*OBIVION* BY SERGEI LEBEDEV)

The novel *Oblivion* (2010) by Sergei Lebedev (born in 1981) — the subject of our analysis — is one of the first literary examples of a new trend in a Russian memorial discourse, so far focused solely on commemorating the victims of the Stalinist regime and ignoring the figures of executioners in a complete silence. By breaking the social and cultural taboos, the writer creates a hero — a former torturer of the regime whose criminal nature is revealed through the practices of a bodily memory. The purpose of this article is to semantically analyse the executioner's body language (i.e., gestures, facial expressions, eyesight, silence). Lebedev's concentration on bodily and physiological aspects makes it possible to unmask a carefully hidden biography of the torturer.

Keywords: Sergei Lebedev, Sigmund Freud, Elias Canetti, executioner, body memory, body language

Обычные живые существа забывают и начинают сначала. Но мы — люди, и мы никогда не будем искренними, не имея перед глазами то, что мы совершили.

Карл Ясперс¹

Прошло — не значит навсегда!

Элиас Канетти²

Мы все, выросшие в России — внуки жертв и палачей. Все абсолютно, все без исключения. В вашей семье не было жертв? Зна-

¹ K. Jaspers, *Wahrheit, Freiheit, Friede*, Piper, München 1958, пер. по: А. Ассман, *Новое недовольство мемориальной культурой*, пер. Б. Хлебников, *Новое Литературное Обозрение*, Москва 2016, <http://maxima-library.org/knigi/knigi/b/361686?format=readhtml> (05.02.2022).

² Цит по: А. Ассман, *Новое недовольство...*

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

чит, были палачи. Не было палачей? Значит, были жертвы. Не было ни жертв, ни палачей? Значит, есть тайны.

Владимир Яковлев³

Роман *Предел забвения* (2010) Сергея Лебедева (р. 1981) — предмет нашего анализа — справедливо можно назвать одним из первых явлений, способствовавших открытию новых граней мемориального дискурса в России, доньше сфокусированного прежде всего на увековечении памяти жертв и одновременно полностью замалчивающего авторов насилия⁴:

[...] все эти бывшие подручные, все эти люди, непосредственно осуществлявшие репрессии, исчезли. Они растворились в массе таких же неопределенных стариков с непонятным прошлым. Если мы говорим «офицер СС», из книг и фильмов мы мгновенно собираем какой-то образ. Если мы говорим «офицер НКВД», то кроме формы мы ничего не можем представить. У них нет лица, они исчезли, они спрятались. Я должен был написать книгу, которая бы вытащила эту фигуру из забвения, вернула в тот обиход культуры, в котором живут язык, искусство, совесть и память народа⁵.

Согласно Морису Хальбваксу, «Та или иная истина, чтобы закрепитесь в памяти группы, должна предстать в конкретной форме какого-либо события, лица или места»; и наоборот:

³ В. Яковлев, 2016, <https://www.facebook.com/1206441856087060/photos/a.1214617398602839.1073741828.1206441856087060/1214765738588005> (05.02.2022).

⁴ Новаторский аспект творческого замысла Лебедева заключается в том, что писатель «задает свои мучительные вопросы в стране, где ни один начальник лагеря, ни один командир 'расстрельной команды' не ответил за тысячи уничтоженных человеческих жизней перед судом; где в бетонных стенах домов вместо арматуры — колючая проволока, а типовые строения повторяют главную архитектурную форму — очертания барака; где в конце концов мало кто может поручиться, что в его жилах не течет кровь палача — пусть не унаследованная от предков, но полученная при переливании». О. Лебедушкина, *Покаяние и прощение. Литература как работа памяти и забвения. Заметки по разным поводам*, «Дружба народов» 2011, № 5, с. 198–208, <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/5/pokayanie-i-proshhenie.html> (13.02.2022).

⁵ С. Лебедев, *Писатель Сергей Лебедев об ответственности за прошлое и современной России*, бесед. Х. Хасаина, <https://sova.news/2019/06/26/pisatel-sergej-lebedev-ob-otvetstvennosti-za-proshloe-i-sovremennoj-rossii/> (20.02.2022). Ср. также высказывание Яковлева про историю его семьи: «Оценивая масштаб трагедий российского прошлого, мы обычно считаем погибших. Но ведь для того, чтобы оценить масштаб влияния этих трагедий на психику будущих поколений, считать нужно не погибших, а — выживших», в том числе и палачей. В. Яковлев, 2016...

«Всякая личность и всякий исторический факт при своем поступлении в память» группы «немедленно транспонируются в [...] понятие, символ»⁶. Именно из этой комбинации понятий и данностей опыта возникает то, что можно назвать «фигурами воспоминания»⁷. Специфика этих фигур «определяется тремя признаками: отнесенностью к конкретному времени и пространству, отнесенностью к конкретной группе и воссозданием как специфическим для них способом действия»⁸. Все перечисленные составляющие художественно воплощены в произведении Лебедева. Прошлое главного героя привязано к определенному хронотопу (один из северных лагерей сталинской эпохи), к конкретному социуму (начальники лагерей) и типичному для него способу действия (обязательства и полномочия беспредельной и, как правило, насильственной власти). Как «фигура воспоминания» портрет литературного персонажа одновременно совмещает в себя три биографии: реального лица — приемного дедушки самого Лебедева; фиктивного персонажа — Второго деда; и обобщенную биографию палача — соавтора и прислужника советского режима.

Сделать бывшего начальника лагеря — и ему подобных, спрятавшихся под разными масками и личинами — видимым, значит материализовать его, надеть его тело личным языком, что и заложено в основу идеологической концепции романа.

Стиль человеческого тела, — констатирует Ежи Фарыно, — всегда носитель определенной идеологии, а точнее, человеческая фигура, форма телосложения, культивированный внешний вид порождены определенными мировоззренческими (моделирующими) системами и им подчинены⁹.

К примеру, для автора *Колымских рассказов*

[...] единственной памятью будет память телесная, только она одна может объективировать себя, — это память рук, запахов, вкусовых ощущений, кожных раздражений, трудовых и пыточных воздействий, память боли и т. п. Тело доходяги в своей физической открытости («искалеченности») есть

⁶ По: Я. Ассман, *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, пер. М. М. Сокольская, Языки славянской культуры, Москва 2004, с. 39.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Е. Фарыно, *Введение в литературоведение*, Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург 2004, с. 224.

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

единственное и полноценное свидетельство, он свидетельствует собственным телом¹⁰.

Чрезвычайное внимание Сергея Лебедева к деталям телесно-физиологического плана позволяет объективно рассказать о прошлом, разоблачить тщательно скрываемую биографию и заодно сущность насильника. Как тело жертвы, так и, парадоксально, тело мучителя, клейменное историей. Голос, его тон, взгляд, жесты, позиционирование своего тела в пространстве — весь комплекс невербальной коммуникации и общения героя с окружающей средой выстраивается в цельный портрет палача, фанатика смерти. Запечатленный в памяти тела Второго деда инстинкт охотника¹¹ — где «охота» понимается как вид деятельности удовлетворяющий «лишь потребность в проявлении своей власти и известной доли садизма, характерного для властвующих элит»¹² — «сладострастника смерти» (с. 87)¹³, нуждающегося в очередных жертвах, выявляется как константа психологии героя. Преступная природа Второго деда раскрывается в телесных практиках памяти, осуществляющихся «в конкретной фактичности событийных ситуаций»¹⁴, так как «ни один жест не рождается в пустоте», это всегда «манифестация сложного поля сил, нуждающегося в реконструкции»¹⁵.

Хранящаяся в теле Второго деда запись о том, как оно работало в лагерных условиях, особенно в отношении к заключенным, активизируется в общении с семилетним сыном соседей. При-

¹⁰ В. Подорога, *Время после: Освенцим и ГУЛАГ: Мыслить абсолютное зло*, Логос, Москва 2013, с. 126.

¹¹ Ср. высказывание Ивана Гайдюка, охранника в Печорлаге: «Азарт... Азарт, конечно, был. Как на охоте», И. Гайдюк, «И Бог был со мной» // А. Артемьева, Е. Рачева, *58-я. Неизъятые*, Издательство АСТ, Москва 2018, с. 29; или пристрастия садистского коменданта концлагеря Плашов Амона Гёта, о которых упоминается, например, в книге его внучки Дженнифер Тидж, см. J. Teege, N. Sellmair, *Amon. Mój dziadek by mnie zastrzelił*, przeł. E. Twardoch, Prószyński i S-ka, Warszawa 2014.

¹² Э. Фромм, *Анатомия человеческой деструктивности*, пер. Э. М. Телятников, Республика, Москва 1994, с. 119.

¹³ Здесь и далее роман Лебедева цитируется по изданию: С. Лебедев, *Предел забвения*, Эксмо, Москва 2012, с указанием страниц в скобках

¹⁴ С. В. Любичанковский, В. А. Любичанковский, «Условия повседневности» как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни, «Вестник ОГУ» 2012, № 7, с. 154.

¹⁵ W. Klimczyk, *Rejtan jak totem narodu. Amnezja gestu*, „Kultura Współczesna” 2018, № 1, s. 65.

выкший к жестокости по отношению к слабейшему, власти над ним, издевательству старик переносит лагерную модель поведения на изменившуюся реальность, машинально продолжая говорить языком палача. Богатый репертуар различных психологических игр деда с мальчиком раскрывает ментальный портрет мужчины как палача-садиста. Согласно теории Эриха Фромма, одна из самых ярких черт характера садиста состоит в том, что «для него стимулом бывает всегда только слабое существо и никогда — сильное»¹⁶. Сущность садизма, которая

[...] присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, — это проявление абсолютного господства [...]¹⁷.

Беспредельное господство Второго деда над мальчиком реализуется как вполне осознанный, ориентированный на конкретный результат, план: «Там, в его голове, [...] я уже был тем, кем он назначил мне быть» (с. 69). Вторжение деда в жизнь чужого ребенка мотивировано попыткой стереть вину за смерть собственного сына, погибшего когда-то в каменном карьере после побега из запертой отцом комнаты. Продолжающееся годами беспамятное состояние молчащего Другого деда, обеспечивающее ему спокойную и невозмутимую жизнь среди таких-же молчащих, не желающих восстановить связь с мертвыми, подвергается в романе наказанию самой памятью. Вопреки попыткам бывшего начальника освободиться от памяти о смерти ребенка, именно это воспоминание оказывается более устойчивым во времени чем все остальные. Как замечает Александр Эткинд, комментируя работы Зигмунда Фрейда о механизмах повторения, автор *Психопатологии обыденной жизни* обнаружил, что прошлое обладает уникальной способностью «заражать настоящее. [...] Если страдание не вспоминается, оно повторится. Если не оплакать мертвых» и «не признать утрату», они вернуться «в странных формах»¹⁸. Лишь «импульс к воспоминанию», подчерки-

¹⁶ Э. Фромм, *Анатомия человеческой деструктивности...*, с. 253.

¹⁷ Там же, с. 251.

¹⁸ А. Эткинд, *Кривое горе. Память о непогребенных*, пер. В. Макаров, Новое Литературное Обозрение, Москва 2016, с. 28, 30.

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

вает Эткинд следуя Фрейду, может преодолеть «принуждение к повторению»¹⁹. «Чем сильнее сопротивление, тем обильнее воспоминание заменяется проигрыванием (повторением)»²⁰. Отказываясь признать реальность потери, Второй дед обрекает сына на не-бытие, а самого себя на неопределенность будущего, представляющегося лишь как дублирование прошлого. Эту фрейдовскую мысль повествователь выражает словами: «Когда связующий контекст памяти распался», воспоминания о сыне

[...] обрели отдельность существования, тираническую свободу; и чем сильнее Второй дед хотел изгнать их из себя, тем больше они плодились внутри него; так возникает прижизненный ад, из которого нет выхода (с. 90).

Скрытое, подвергнутое вытеснению, неминуемо становится «жутким и, более того, пугающим, когда» оно «возвращается к субъекту [...]. Именно сочетание памяти и страха и составляет жуткое. Чем сильнее энергия забывания, тем страшнее ужас воспоминания»²¹. Страх перед собственной смертью толкает наказанного способностью помнить старика к созданию фантомного присутствия своего сына:

В этом замещении, в этой подмене и рождалась та печать, которую его рука клала на мой лоб: не должно живого даже мысленно помещать на место мертвого — это накладывает противоестественные узы и бросает в будущее тень мнимого предопределения, которое никогда не исполнится, но свяжет узлы, которые человеку придется развязывать собственной жизнью (с. 281).

Созидание двойника, «питавшееся силой [...] помраченных чувств», приобрело «подобие существования», выражающего всю «плотность надежд» «вернуть сына — и вернется зрение, вернется прошлое, а годы, которых он не видел, легко уйдут, как не были» (с. 68, 347). Однако любовь деда к чужому мальчику была «любовью мертвеца; неким почти потусторонним эквивалентом чувств» (с. 68). Не прорабатывая травму, а лишь отыгрывая ее, мышление Второго деда приобретает характер патологического

¹⁹ Там же, с. 30. Ср. З. Фрейд, *Воспоминание, повторение и проработка* // З. Фрейд, *Собрание сочинений в десяти томах*, ред. Е. С. Калмыкова, М. Б. Аграчева, т. 10. *Сочинения по технике лечения*, пер. А. М. Боковиков, ООО «Фирма СТД», Москва 2008, с. 210.

²⁰ З. Фрейд, *Воспоминание, повторение и проработка...*, с. 210–211.

²¹ А. Эткинд, *Кривое горе...*, с. 30–31; ср. З. Фрейд, *Жуткое* // З. Фрейд, *Собрание сочинений...*, т. 4. *Психологические сочинения*, Москва 2006, с. 286.

копирования прошлого. Патологического, так как «навязчивое повторение» (Фрейд) сопровождается наслаждением и ощущением удовольствия²². Садистское Я деда, скрывающееся за маской любезности и доброжелательности питается зависимостью ребенка и его страхом. Позиционируя себя повелителем, мужчина стремится превратить «другого сына» в свое имущество, в свою вещь, что вполне соответствует приобретенным в лагере моделям поведения — «следы прошлого, оказываясь запечатленными в памяти тела, образуют особое пространство соприкосновения с прошлым»²³. «Телесно-пространственное оформление и телесно-аффективные компоненты поступков»²⁴ старика указывают на его преступную историю. Эти «знаки телесности и эмоциональности сообщают больше, чем» объект в состоянии «удержать в фокусе своего [...] внимания»²⁵. Прошлое в виде «следа» принадлежит как прошлому, так и настоящему. Андреас Буллер отмечает:

[...] всё, что оставило после себя «следы», — для нас БЫЛО и по этой причине является ПРОШЛЫМ. Уже одним своим существованием «след» конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного «всё, что было», только определенные события, образы и феномены. [...] С другой стороны, СЛЕД не даёт окончательно уйти тому, что давно уже *ушло* и *прошло*. И этим он в какой-то мере провоцирует нас: СЛЕД *стирает* границу между тем, что БЫЛО, и тем, что ЕСТЬ. Он «сам» является одновременно тем, что БЫЛО, и тем, что ЕСТЬ²⁶.

Самыми мощными знаковыми функциями наделены движения рук бывшего палача, что ярко заметно в сцене стрижки мальчика наголо, после того, как у него нашли вши. Обыкновенное действие приобретает символическое значение, оно воспринимается мальчиком как своеобразный акт порабощения, лишения чувства личной свободы, ассоциирующейся ребенку с длинными волосами²⁷. Ребенок чутко улавливает раздражение деда

²² Ср. Эткинд, *Кривое горе...*, с. 28.

²³ А. А. Линченко, *Память тела в пространстве повседневной исторической культуры: философско-методологический аспект*, «Вестник Вятского государственного университета» 2016, № 12, с. 17.

²⁴ Е. Рождественская, *Словами и телом: травма, нарратив, биография* // С. Ушакин, Е. Трубина (ред.), *Травма: пункты*, Новое литературное обозрение, Москва 2009, с. 114.

²⁵ Там же.

²⁶ А. Буллер, *Три лекции о понятии «след»*, Алетейя, Санкт-Петербург 2016, с. 25–26.

²⁷ Ср. библейский сюжет о Самсоне и Далиле, к которому обращается повествователь в упомянутой сцене стрижки.

вызванное распушенными, вьющимися волосами, спровоцировавшими характерный жест руки старика: «[...] его пальцы захватывали волосы под корень и делали такое движение, словно средний и указательный — лезвия ножниц» (с. 55). Перевоплощение человеческих рук в ножницы может читаться как моделирование антитетического противопоставления двух ценностных ориентиров: живое (вечное)—мертвое (вещное). Пальцы-ножницы метафорически выражают проекцию тела и ее смертоносный характер. Руки деда, лишенные тепла и сенсуальности живой человеческой кожи, работающие как холодный, равнодушный к объекту своих действий автомат, говорят языком палача. Также решительность старика и суровость предпринятых мер указывают на лагерный опыт: «вши, керосин, обрить — от этого пахло давним временем, беспризорщиной» (с. 53). Занятно, что садистскую ненависть бывшего палача к свободе длинных волос, символизирующих индивидуализм и независимость, испытывает на себе и другое, также слабое, существо — одинокая женщина, его домработница. Машинально действующие руки Второго деда, обожающие «шпильки, заколки, всю ту железную амуницию, которая призвана укротить, лишит вольности», сожгли (якобы случайно) волосы домработницы раскаленными щипцами для завивки (с. 54–55). Буквальный повтор жеста рук, уничтожающих длинные волосы, обоснованно можно рассматривать как средство рутинизации поведения.

Вторую из имеющихся смысловых возможностей развертывания сцены стрижки можно отнести к акту инициации. В ней соблюдены важнейшие составляющие обряда перехода, понимаемого как ритуальная церемония, обозначающая и формально закрепляющая переход индивида или группы людей в новую социальную категорию и приобретение ими нового социального статуса. В традиционном обряде выделяются три основных этапа: обряды отделения (прелиминарные), обряды промежуточные (лиминарные) и обряды включения (постлиминарные)²⁸. Эти три категории могут быть в разной степени выражены в одном и том же церемониальном цикле. В анализируемой нами сцене лишь обряд прелиминарный достигает востребованного результата: отделение ребенка от семьи растянуто во времени,

²⁸ См. А. ван Геннеп, *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*, пер. Ю. В. Иванова, Л. В. Покровская, «Восточная литература» РАН, Москва 1999, с. 64–107.

начиная с самого момента появления Второго деда, сопровождаемого попыткой заключения союза с ребенком и позиционирования себя в роли наставника. Цель очередного этапа церемониального цикла лиминарного — стрижка головы — заставить новичка «умереть», утратить воспоминание о его первоначальной личности и его прежнем мире. Стрижка представляется как средство дифференциации, «изуродованного» человека благодаря обряду отсекают, «выводят» из человеческого рода и автоматически включают в определенную группу. В романе этап лиминарный исполнен лишь частично: наставник кладет свою руку на голову мальчика, совершая таким жестом «зачатие» (в многих традициях наставник кладет руку на плечо ребенка)²⁹. Это прозрачный жест, однако не находящий продолжения из-за побега мальчика, предчувствующего неизбежность включения в адский мир дедовых фантомов. Ряд заметных, а также подразумеваемых деталей дополняют значение жеста: интонация голоса наставника, типичная для людей любящих фразу «не надо делать из этого трагедии», произнесенные в адрес мальчика слова «хватит нюнить, пострижем, представь, что ты в армии, там не спрашивают» (с. 53), страсть дедовых рук к смерти. Другой дед хорошо запомнил давние лагерные практики. Энн Эпплбаум замечает, что ритуал стрижки наголо соблюдался в лагерях как очередная фаза перемены арестованных в анонимных зеков³⁰. Польский психиатр Антони Кемпински (бывший узник Освенцима) говорит о «приветственном церемониале» вводящем неопита в «новую модель поведения»³¹. В руках старика сохранилась память не только о сотнях остриженных им голов зеков, но прежде всего воспоминание о несбывшейся инициации родного сына, подверженного когда-то жестокому испытанию в замкнутой комнате. Кровожадные руки палача жаждут повтора действий как компенсации давней неудачи и установления новой власти над приемным сыном. Для наглядного обоснования этой констатации вернемся к сцене «закалывания» родного ребенка, выделяя в ней соответственно три этапа обряда перехода. Запирая ребенка в комнате, отец начинает прелиминарный обряд отделения. Затем последует промежуточный этап:

²⁹ См. там же, с. 99.

³⁰ A. Applebaum, *Gulag*, przeł. J. Urbański, Świat Książki, Warszawa 2005, с. 183–184.

³¹ A. Kępiński, *Refleksje oświęcimskie*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2005, с. 83.

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

Второй дед видел в сыне предателя, он отказался бы от мальчика, если бы тому были примеры, но в то время сыновья отказывались от отцов. И Второй дед не наказывал мальчика — он вынуждал его отречься от себя. Семь лет не возраст, как думал Второй дед, привыкший мерить жизнь сроками заключения — десять лет, пятнадцать, и еще остается на потом пожить, — и семилетний ребенок должен был не просто отречься, он должен был проклясть себя каждодневным проклятием — и тогда Второй дед взял бы его, опустошенного, внутренне обмякшего, и вылепил себе другого сына (с. 332).

Напуганный ребенок прерывает церемонию неожиданным побегом. Смерть в карьере является окончательной фазой обряда, в результате которого совершается переход мальчика в потусторонний мир.

Рутинно действующие руки Второго деда автоматически тянутся к кровожадным движениям, что подтверждено также знаковой функцией предметов, которыми пользуется герой. Его склонность к власти распространяется на вещи выполняющие роль «соглядатаев» и «слуг» (с. 60). Таким образом подчиненные власти своего хозяина вещи становятся молчащими символами насилия³². Кроме упомянутых ножниц, старик с особой страстью пользуется бритвой, колуном, ремнем, крючком, иглой и щипцами — предметами предназначенными совершать действия вызывающие чувство опасности, страха и боли:

[...] среди всех ножей моего детства был единственный, которым я не мечтал и не хотел владеть — кривой садовый нож Второго деда, крючковатый, страшный, страшнее хирургических скальпелей, созданный, чтобы подсекать молодые черенки, уродливый, похожий на клюв хищной птицы. Им нельзя было счистить кору, разрезать картофелину, поиграть в «ножички» — только расслаивать, рассекав древесные волокна, оставляя блестящий гладкий срез (с. 280–281).

Даже обыкновенный карандаш для черчения в руках деда обретает иное назначение: «черчение по человеку, антропометрия» (с. 56). Руки проявляющие непрерывную готовность к охоте, с жутким удовольствием расставляющие дома мышеловки, бесстрастно насаживающие на крючок червя, обходятся со смертью с примесью мучительства, жаждут покорить все живое. Постоянные повторы садистских жестов обретают форму ритуалов

³² Против табуированного прошлого весьма эффективно работают ключи. Страсть к ключам, стремление крепко держать все ключи вместе проявляет бывшая надзирательница. Эта особенность названа в романе ключом к самой старухе.

смерти. Сцена пропалывания огорода очередной тому пример. Как и в случае бритья волос, так и здесь проявляется крайнее желание покорить своеволие. Свободный рост сорняков провоцирует исключительную ярость бывшего начальника лагеря:

[...] что-то было [...] в этой готовности выпалывать, вырывать, очищать, со вершать крестьянский огородный труд, что было уже не крестьянским; день померк, исчезла грядка, красные бока ягод — остался только голос, тихий, но всеобъемлющий, отовсюду звучащий, который приобнимал, сдавливал, шептал на ухо: «сорнячки клубничку душат, душат» — и сам душил, затыкал рот, насильно запрокидывал голову, ощупывал — как обыскивал — тело (с. 83).

Важно отметить, что тяготение дедовых рук к смертельным действиям сопровождается заботой о стирании следов злодеяния. Испачкав на рыбалке свои пальцы кровью червяка, герой не обтирает их об траву или одежду, как обычно делают рыбаки, а об платок, проявляя при этом странную тщательность движений, указывающую на весьма невыгодное для мужчины табу:

За этой тщательностью стояло знание о самом себе, столь для него привычное, хотя и таимое, что он, слепой и не видящий себя со стороны, не уследил, как оно направило его жест: вытереть пальцы (с. 88).

Руки Второго деда помнят привычные действия как заложенную в них программу, их память указывает на глубокую идентификацию между телом и садистским «Я». Заключение в движениях рук, посредством затаенного инстинкта смерти, прошлое руководит настоящим:

Казалось, он особым чутьем узнает, что карась тронул наживку: ему передается через леску живое биение клонувшей рыбы, он чувствует это биение зрячими пальцами слепца, оно влажно и сладко отдается в каком-то потаенном, хитро устроенном закоулке его души (с. 86–87).

Постоянный, «скрупулезный самоконтроль³³, втрое, вчетверо усиленный необходимостью учитывать случайный взгляд» (с. 50), сосредоточенность на том, чтобы всегда верно выглядеть

³³ Ср. «[...] можно было увидеть другого старика, сидящего внутри Второго деда. [...] Второй дед, зная, что я его вижу, вдруг начинал ощупывать лицо [...] еще минута, и Второй дед повернется, встанет так, чтобы я не видел его целиком, окажется в проеме между тел, деревьев или мебели, как в случайном кадре, мельком, на секунду, — и я не узнаю его [...]. Он будет незнакомцем из другой эпохи, он будет отстоять на годы — и потом, закрывшись случайным прохожим, вернется в поле моего зрения прежним, будто там, за ширмой чужого тела, сменил личины, перекинулся во времени» (с. 73).

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

перед другими, нежелание обозначить себя, «через слово или поступок проявиться в определенности собственных черт», манифестация обыкновенности и незаметности, скромность, почти «монашеское совершенство» в том, «чтобы никогда не обратить на себя внимание жизни» (с. 28–29) — весь репертуар хитроумных мимикрических практик рассчитан на создание вида приличного человека, похожего на многих других. На определенный эффект ориентированы также медленные, спокойные, бесстрастные и сдержанные жесты:

[...] словно он монотонно крутил внутри себя заводную ручку вроде ручки патефона, дававшую ход различным сочленениям его постаревшего, но по-прежнему слаженного тела (с. 85).

Герой пытается подать себя как человека ниоткуда, без прошлого. Неслучайно повествователем он помещается в промежуточное пространство: «Я ощущал, что он внутренне мертв, раскоординирован с миром живых; не призрак, не дух — обстоятельный, телесный, долго живущий (а что ему сделается) мертвец» (с. 66). Ощущение обманчивой иллюзии усиливает и слепота, вполне сознательно используемая героем как непроницаемый занавес, скрывающий мрачные тайны прошлого. Незрячие глаза придающие вид незащищенности, слабости, нужды в поддержке и помощи — это продуктивная тактика ослабляющая подозрительность окружающих людей. Также заимствованный из прошлого маневр «периферийного зрения» (не воздействовать прямо, не попадать в центр внимания, но частично напоминать о себе, зрительно повторяться) разоблачает Другого деда как опытного охотника. Периферийное зрение характеризуется в романе как «цель, сквозь которую можно тайком проникнуть в сознание» (с. 65).

Уже вступительная характеристика деда обнаруживает его причастность к потустороннему миру. В сцене просмотра мальчиком фотографий из семейного альбома лицо и фигура Второго деда нечитаемы, смазаны:

Тот же, кто слеп, как бы потерял во времени, не совсем определенно присутствует в каждом мгновении; и эта потерянность делает несколько смазанными внешние его черты, будто человек двинулся, когда его фотографировали. [...] Сейчас, пытаясь представить его лицо, я вижу какие-то моменты воспоминаний, в которых оно обязательно должно быть, вижу фотографически точно, но лица там нет; оно словно засвечено (с. 26).

«На поведенческом уровне, — замечает Ежи Фарыно, — ‘закрытое лицо’ объясняется, конечно, желанием быть неузнанным, но одновременно этот факт вводит элемент неопределенности»³⁴. Семантическим эквивалентом «лица» — как отражение души, сущности человека³⁵ — является «тьень»³⁶, как и лицо, контролируемая Вторым дедом:

Но тень Второго деда я так и не смог прочувствовать [...]; мне казалось, что Второй дед знает, какова его тень, управляет ею, следит, чтобы она не сказала о нем лишнего, постоянно поддерживает ее, как длинную полу плаща (с. 34).

Признаки Второго деда, а также других «палачей», создают семантический ряд «тёмных» и «безликих» персонажей, лица которых нечитаемы, а фигуры будто неопределенны или скрываются в тени. Лицо надзирательницы видится «в темноте»:

[...] я не мог сказать, человек она или изображение; потом я догадался, что лицо ее почти парализовано — двигались только брови, они-то и выдали удивление; черт лица я уловить не успел — оказывается, лицо живет в движении, в незаметной игре лицевых мышц, и когда оно неподвижно, о нем ничего нельзя сказать; мой взгляд притянули ноздри — две черные точки, два хода во внутреннюю темноту тела.

Мне почудилось, что из этих черных отверстий, словно из дыр в каменной стене или в скале, могут выползти ящерица или змея; что они не принадлежат лицу, они — только проемы, опасные, зловещие; если бы я мог, я бы в тот миг закрыл, замазал плотью ноздри старухи. Чтобы выскочить из помераченного, как бы наполовину затынутого вдохом в эти ноздри мгновения, я заговорил [...] (с. 276).

Ее муж, начальник расстрельной команды и близкий знакомый Второго деда — это очередной безликий человек, «человек, сидевший в тени», который страдал «оттого, что тело не может выдать ни капли пота, не может выгнать с потом эту расплзающуюся под кожей смерть; лица — в человеческом понимании — у него уже не было» (с. 278, 284).

Второй дед — начальник лагеря, надзирательница, её муж — начальник расстрельной команды, все персонажи заклеянные

³⁴ Е. Фарыно, *Введение в литературоведение...*, с. 171.

³⁵ Ср. Е. Е. Левкиевская, *Лицо* // Н. И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3, Институт славяноведения РАН — Международные отношения, Москва 2004, с. 124.

³⁶ Ср. А. А. Плотникова, *Тень* // *Славянские древности...*, т. 5, Москва 2012, с. 262.

смертью, отраженной на их лицах, как будто если не человеческая, так всё же какая-то сверхестественная сила наказала их за злодеяния. Второму деду «тундра забрала его глаза»; лицо надзирательницы «парализовано», её муж «умирал от хронической лучевой болезни, когда-то он получил малую дозу радиации». Каждый соучастник зла соприкасается с потусторонним миром, что прямо высказывается деревенской старухой, вероятнее всего местной знахаркой. Она «посмотрела [на Второго деда — Б.З.З.] и сказала громко: ‘У, оборотень!’» (с. 163); ср. также: «[...] страх, оптические линзы страха, — они вращивали фигуру Второго деда, придавали ей демоническое жутковатое свечение» (с. 147).

В одной из сцен Второй дед и его друг представляются как злые колдуны: «их фигуры возвышались надо мной, размытые сумраком», «речь их казалась заклинанием, произносимым над спящим, чье сознание размягчено и беззащитно; рука все поглаживала меня по лбу, и я чувствовал, как с этим прикосновением ложится на меня незримая мета, печать» (с. 280–281). Когда упоминаются злодеяния, речь идёт о «потусторонней почти, извращенно-духовной опоре в самосозерцании преступника» (с. 288).

Язык тела бывшего палача, предельно стилизующего свое поведение и стремящегося удержать свой властный статус, характеризуется в романе также через молчание. Концепт молчания как формы и инструмента власти можно считать литературной трансляцией теоретических размышлений таких ученых, как Реми Ленуар и Элиас Канетти. Как констатирует Ленуар: «молчание также может быть формой власти и инструментом власти», «стратегия власть имущего» может состоять в том, «чтобы замалчивать, молчать самому и, конечно же заставлять молчать. В этом смысле власть связана с тайной и наведением секретности»³⁷. Согласно Канетти, молчащий обладает рядом различных преимуществ, позволяющих эффектно управлять своей репутацией, вызывая при этом уважение окружающих:

Молчание предполагает, что ты хорошо знаешь то, о чем умалчиваешь. [...] Это знание точнее, и оно больше ценится. [...] Человек, который много мол-

³⁷ Р. Ленуар, *Социальная власть публичного выступления // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук, Институт экспериментальной социологии, Москва, Алетейя, Санкт-Петербург, 1999, с. 170–171.*

чит, всегда производит впечатление более сосредоточенного. Предполагается, что раз он молчит, он много знает³⁸.

О роли Второго деда как абсолютного авторитета в семье лучше всего свидетельствует история рождения приемного сына. Так как появлению ребенка на свет угрожала смерть самой беременной, врачи посоветовали аборт, провоцируя тем самым бурные семейные дискуссии. Не приводящие к ожидаемому результату разговоры прервала решительная речь деда, законченная приказом — рожать. Молчаливое согласие семьи находит подтверждение в словах Канетти о том, что высказывания молчащего больше ожидают, придают ему больше цены, оно «напоминает приказ»:

Между приказывающим и тем, кто должен ему подчиняться, возникают отношения искусственного видового различия, предполагающие отсутствие общего языка. [...] В рамках таких отношений получающие приказ становятся молчаливниками³⁹.

Формально не принадлежащий к семейному генеалогическому древу Второй дед приобретает не только статус члена семьи, он исполняет роль биологического отца мальчика. Биовласть⁴⁰ старика над ребенком укрепитя через несколько лет путем трансфера дедовой крови, спасающей мальчику жизнь. Повторный акт сотворения юноши волей старика наделяет последнего атрибутами Творца. Характеризуя феномен молчащей власти, Канетти подчеркивает ее страх перед переменами:

Молчание противостоит *превращению*. Кто чувствует себя на внутреннем посту, не может от него отлучиться. Молчащий может кем-то прикинуться, но уже надолго. Он может надеть какую-то маску, но уж тогда ее не меняет. Текучие превращения не для него. Они слишком неопределенны, с ними

³⁸ Э. Канетти, *Из книги: «Масса и власть»*, пер. М. С. Харитонов // Э. Канетти, *Человек нашего столетия. Художественная публицистика*, сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова, коммент. Р. Каралашвили, «ПРОГРЕСС», Москва 1990, с. 439.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Термин введен Мишелем Фуко — новые технологии властвования, нацеленные на управление всей жизнью («биос»). В современной литературе термин отождествляется прежде всего с практиками инновационной медицинской технологии. У Лебедева скорее всего художественная трансляция научной теории.

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

никогда не знаешь заранее, куда попадешь. Молчат всегда там, где не хотят превращаться⁴¹.

В романе многократно упоминается о том, что Второй дед боится именно неожиданности постороннего вмешательства и новизны, каждая, даже небольшая перемена воспринимается им как тотальное разрушение. Новизна для героя — угроза потери устойчивости, безопасности и контроля, без которых сохранение авторитета становится невозможным. Отсюда и ограничение жизненного пространства мужчины, а также сближение с семьей мальчика, в которой все молчат о прошлом и щепетильно относятся к чужим секретам (см. с. 36). Отведенная для обитания «твердая почва знакомых звуков, запахов и осязательных ощущений» делает незрячего более видящим чем видящие, его ситуация «даже устойчивее положения зрячего» (с. 27). «Вооруженный» своей слепотой и молчанием старик приобретает чрезвычайную силу управлять окружающей средой. Не прозвучит в адрес деда ни один вопрос о его прошлом, так как «От молчания вопрос отскакивает как меч от щита»⁴².

Если речь (голос, язык) воспринимать как артикуляцию чувства вины, то молчание может свидетельствовать об отсутствии того источника морального опыта, каким является совесть⁴³. Совести отводится роль «внутреннего регулятора» морального опыта, гарантирующего осознание личной ответственности⁴⁴. Она также сильно сопряжена с памятью: «Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести» — писал Дмитрий Лихачев⁴⁵. Память служит мощным предостережением от повторения трагических событий.

В романе *Предел забвения* обязанность помнить подается как нравственный императив:

⁴¹ Э. Канетти, *Из книги: «Масса и власть»...*, с. 439.

⁴² Там же, с. 431.

⁴³ Ср. К. Stachewicz, *Milczenie wobec dobra i zła. W stronę etyki sygetycznej i apofatycznej*, Wydział Teologiczny UAM, Poznań 2012, с. 357.

⁴⁴ Д. Гусев, *За границами совести: интериоризация моральных норм в истории этики*, «Вестник СПбГУ» 2014, сер. 6, вып. 4, с. 28.

⁴⁵ Д. С. Лихачев, *Нравственные вершины* // Д. С. Лихачев, *Книга беспокойств. Воспоминания, статьи, беседы*, сост. Г. А. Дубровская, Новости, Москва 1991, с. 328.

Память все равно истребует какую-то нравственную оценку, такое событие не может быть нейтральным. И если оно не осуждено, то тем самым уже отчасти оправдано. А если отчасти оправдано, значит, маятник качнется в сторону полного оправдания. Опять же, потому что никто в здравом уме не хочет жить как потомок безнаказанных мясников и убийц. Либо преступление должно быть наказано, либо ему будет придан положительный, оправдательный характер. [...] Освобождение — когда ты осознаешь: не безличные силы истории все это совершали, а вот этот конкретный человек⁴⁶.

REFERENCES

- Applebaum, Anne. *Gulag*. Transl. Urbański, Jakub. Warszawa: Świat Książki, 2005.
- Assmann, Aleida. *Novoye nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy*. Transl. Khlebnikov, Boris. Moskva: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2016 [Ассман, Алейда. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Пер. Хлебников, Борис. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2016] <<http://maxima-library.org/knigi/knigi/b/361686?format=readhtml>>.
- Assmann, Yan. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Transl. Sokol'skaya, M. M. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004 [Ассман, Ян. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Пер. Сокольская, М. М. Москва: Языки славянской культуры, 2004].
- Buller, Andreas. *Tri lektzii o ponyatii "sled."* Sankt-Peterburg: Aleteya, 2016 [Буллер, Андреас. *Три лекции о понятии "след"*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016].
- Canetti, Elias. "Iz knigi: 'Massa i vlast'." Transl. Kharitonov, Mark Sergeevich. *Chelovek nashego stoletiya. Khudozhestvennaya publitsistika*. Sost. i avt. pre-

⁴⁶ С. Лебедев, *Опасность отчасти и состоит в том, что никто не может дать определение «опасного»*, 21.05.2016, бесед. К. Докукина, <https://snob.ru/selected/entry/108587/> (09.01.2022). Ср. «И так получилось, что жертвы преступлений есть, а преступников как бы и не было. Наказывать уже, конечно, практически некого, но то, что деятели и деяния названы соответствующим образом — крайне важно. Следует назвать имена виновных в сталинских расстрелах, чтобы в будущем участники таких преступлений понимали, что рано или поздно их внукам придется прятать глаза». Д. Кобылкина, «Мемориал» представил «Википедию палачей», <https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/24/70652-memorial-predstavil-vikipediyu-palachey> (09.01.2022). Вопрос анонимных палачей, в России тысячекратно уходивших от ответа, с 24-го февраля 2022 года приобретает весьма болезненную актуальность: «О каких военных преступлениях может идти речь, если нет такой цены, которую страна не готова была бы заплатить за победу? Такой цены нет, поэтому нет наказаний — а значит, и преступлений тоже нет». К. Криммер, *Террор мирного населения в Украине стал настоящим шоком*, <https://meduza.io/feature/2022/06/05/terror-mirnogo-naseleniya-v-ukraine-stal-nastoyaschim-shokom-pochemu-rossiyskaya-armiya-sovershaet-vse-eti-zverstva> (07.06.2022).

- disl. Pavlova, Nina Sergeevna. Komment. Karalashvili, Rezo. Moskva: PROGRESS, 1990: 391–443 [Канетти, Элиас. “Из книги: ‘Масса и власть.’” Пер. Харитонов, Марк Сергеевич. *Человек нашего столетия. Художественная публицистика*. Сост. и авт. предисл. Павлова, Нина Сергеевна. Комментар. Каралашвили, Резо. Москва: ПРОГРЕСС, 1990: 391–443].
- Etkind, Aleksandr. *Krivoje gore. Pamyat’ o nepogrebennykh*. Transl. Makarov, Vladimir. Moskva: Novoye Literaturnoye Obzreniye, 2016 [Эткинд, Александр. *Кривое горе. Память о непогребенных*. Пер. Макаров, Владимир. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2016].
- Faryno, Jerzy. *Vvedeniye v literaturovedeniye*. Sankt-Peterburg: Izdatel’stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004 [Фарыно, Ежи. *Введение в литературоведение*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004].
- Freud, Sigmund. “Vospominaniye, povtoreniye i prorabotka.” *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh*. Kalmykova, Yekaterina Semenovna, and Agracheva, Marina Borisovna (Eds.). Transl. Bokovikov, Andrey Mikhaylovich. Vol. 10. *Sochineniya po tekhnike lecheniya*. Moskva: ООО «Firma STD», 2008: 205–215 [Фрейд, Зигмунд. “Воспоминание, повторение и проработка.” *Собрание сочинений в десяти томах*. Калмыкова, Екатерина Семеновна, and Аграчева, Марина Борисовна. (Eds.). Пер. Боковиков, Андрей Михайлович. Т. 10. *Сочинения по технике лечения*. Москва: ООО «Фирма STD», 2008: 205–215].
- Freud, Sigmund. “Zhutkoye.” *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh*. Eds. Kalmykova, Yekaterina Semenovna. Agracheva, Marina Borisovna. Transl. Bokovikov, Andrey Mikhaylovich. Vol. 4. *Psikhologicheskkiye sochineniya*. Moskva: ООО Firma STD, 2008: 261–297 [Фрейд, Зигмунд. “Жуткое.” *Собрание сочинений в десяти томах*. Ред. Калмыкова, Екатерина Семеновна. Аграчева, Марина Борисовна. Пер. Боковиков, Андрей Михайлович. Т. 4. *Психологические сочинения*. Москва: ООО Фирма STD, 2006: 261–297].
- Fromm, Erikh. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti*. Transl. Telyatnikova, Emiliya Maksimovna. Moskva: Respublika, 1994 [Фромм, Эрих. *Анатомия человеческой деструктивности*. Пер. Телятникова, Эмилия Максимовна. Москва: Республика, 1994].
- Gayduk, Ivan. “‘I Bog byl so mnoy.’” Artem’yeva, Anna. Racheva, Yelena. *58-ya. Neiz’yatoye* (Dopolnennoye rasshirennoye izdaniye). Moskva: Izdatel’stvo AST, 2018: 27–32 [Гайдук, Иван. “‘И Бог был со мной.’” Артемьева, Анна. Рачева, Елена. *58-я. Неизъятое* (Дополненное расширенное издание). Москва: Издательство АСТ, 2018: 27–32].
- Genneп, Arnold van. *Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov*. Transl. Ivanova, Yuliya Vladimirovna. Pokrovskaya, Lyudmila Vasil’yevna. Moskva: Vostochnaya literatura, 1999 [Геннеп, Арнольд ван. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Пер. Иванова, Юлия Владимировна. Покровская, Людмила Васильевна. Москва: Восточная литература, 1999].
- Gusev, Dmitriy. “Za granitsami sovesti: interiorizatsiya moral’nykh norm v istorii etiki.” *Vestnik SPBGU* 2014, Ser. 6, № 4: 27–34 [Гусев, Дмитрий. “За границами совести: интериоризация моральных норм в истории этики.” *Вестник СПбГУ* 2014, сер. 6, no. 4: 27–34].
- Jaspers, Karl. *Wahrheit, Freiheit, Friede*. München: Piper, 1958.
- Керпиński, Antoni. *Refleksje oświęcimskie*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Klimczyk, Wojciech. “Rejtan jak totem narodu. Amnezja gestu.” *Kultura współczesna* 2018, № 1: 65–85.

- Kobyalkina, Dar'ya. "Memorial' predstavil 'Vikipediyu palachey.'" [Кобылкина, Дарья. "Мемориал' представил 'Википедию палачей'."] <<https://novaya-gazeta.ru/articles/2016/11/24/70652-memorial-predstavil-vikipediyu-palachey>>.
- Krimer, Kseniya. "Terror mirnogo naseleniya v Ukraine stal nastoyashchim shokom." [Кример, Ксения. "Террор мирного населения в Украине стал настоящим шоком."] <<https://meduza.io/feature/2022/06/05/terror-mirnogo-naseleniya-v-ukraine-stal-nastoyashchim-shokom-pochemu-rossiyskaya-armiya-sovershaet-vse-eti-zverstva>>.
- Lebedev, Sergey. "Opasnost' otchasti i sostoit v tom, chto nikto ne mozhet dat' opredeleniye 'opasnogo'." 21.05.2016. Besed. Dokukina, Kseniya [Лебедев, Сергей. "Опасность отчасти и состоит в том, что никто не может дать определение 'опасного'." 21.05.2016. Бесед. Докукина, Ксения] <<https://snob.ru/selected/entry/108587/>>.
- Lebedev, Sergey. "Pisatel' Sergey Lebedev ob otvetstvennosti za proshloye i sovremennoy Rossii." Besed. Khasaia, Khatia [Лебедев, Сергей. "Писатель Сергей Лебедев об ответственности за прошлое и современной России." Бесед. Хасаия, Хатиа] <<https://sova.news/2019/06/26/pisatel-sergej-lebedev-ob-otvetstvennosti-za-proshloe-i-sovremennoj-rossii/>>.
- Lebedev, Sergey. *Predel zabveniya*. Moskva: Eksmo, 2012 [Лебедев, Сергей. *Предел забвения*. Москва: Эксмо, 2012].
- Lebyodushkina, Ol'ga. "Pokayaniye i proshcheniye. Literatura kak rabota pamyati i zabveniya. Zametki po raznym povodam." *Druzhba narodov* 2011, no. 5. 198–208 [Лебёдушкина, Ольга. "Покаяние и прощение. Литература как работа памяти и забвения. Заметки по разным поводам." *Дружба народов* 2011, no. 5. 198–208] <<https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/5/pokayanie-i-proshhenie.html>>.
- Lenoir, Rémi. "Sotsial'naya vlast' publichnogo vystupleniya." *Poetika i politika. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk*. Moskva: Institut eksperimental'noy sotsiologii, Sankt-Peterburg: Aleteya, 1999: 167–192 [Ленуар, Реми. "Социальная власть публичного выступления." *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук*. Москва: Институт экспериментальной социологии, Санкт-Петербург: Алетейя, 1999: 167–192].
- Levkiyevskaya, Yelena Yevgen'yevna. "Litso." *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvistiicheskiy slovar'*. Ed. Tolstoy, Nikita Il'ich. Vol. 3. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN — Mezhdunarodnuye otnosheniya, 2004: 124–128 [Левкиевская, Елена Евгеньевна. "Лицо." *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Ред. Толстой, Никита Ильич. Т. 3. Москва: Институт славяноведения РАН — Международные отношения, 2004: 124–128].
- Likhachev, Dmitriy Sergeyeovich. "Nravstvennyye vershiny." Likhachev, Dmitriy Sergeyeovich. *Kniga bespokoystv. Vospominaniya, stat'i, besedy*. Sost. Dubrovskaya, G.A. Moskva: Novosti, 1991: 326–391 [Лихачев, Дмитрий Сергеевич. "Нравственные вершины." Лихачев, Дмитрий Сергеевич. *Книга беспокойств. Воспоминания, статьи, беседы*. Сост. Дубровская, Г. А. Москва: Новости, 1991: 326–391].
- Linchenko, Andrey Aleksandrovich. "Pamyat' tela v prostranstve povsednevnoy istoricheskoy kul'tury: filosofsko-metodologicheskii aspekt." *Vestnik Vyatsk-*

ЖЕСТ ПАЛАЧА...

- ogo gosudarstvennogo universiteta 2016, no. 12: 14–20 [Линченко, Андрей Александрович. “Память тела в пространстве повседневной исторической культуры: философско-методологический аспект.” *Вестник Вятского государственного университета* 2016, no. 12: 14–20]
- Lyubichankovskiy, Sergey Valentinovich. Lyubichankovskiy, Valentin Andreyevich. “Usloviya povsednevnosti’ kak bazovyy element istoricheskogo analiza povsednevnoy zhizni.” *Vestnik OGU* 2012, no. 7: 154–157 [Любичанковский, Сергей Валентинович. Любичанковский, Валентин Андреевич. “Условия повседневности’ как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни.” *Вестник ОГУ* 2012, no. 7: 154–157].
- Plotnikova, Anna Arkad’evna. “Ten’.” *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvističeskij slovar’*. Ed. Tolstoy, Nikita Il’ich. Vol. 3. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN — Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004: 262–265 [Плотникова, Анна Аркадьевна. “Тень.” *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Ред. Толстой, Никита Ильич. Т. 5. Москва: Институт славяноведения РАН — Международные отношения, 2012: 262–265].
- Podoroga, Valeriy. *Vremya posle: Osventsim i GULAG: Myslit’ absolutnoye zlo*. Moskva: Logos, 2013 [Подорога, Валерий. *Время после: Освенцим и ГУЛАГ: Мыслить абсолютное зло*. Москва: Логос, 2013].
- Rozhdestvenskaya, Yelena. “Slovami i telom: travma, narrativ, biografiya.” *Trauma: punkty*. Eds. Ushakin, Sergey. Trubina, Yelena. Moskva: Novoye literaturnoye obzreniye, 2009: 5–41 [Рождественская, Елена. “Словами и телом: травма, нарратив, биография.” *Травма: пункты*. Ред. Ушакин, Сергей. Трубина, Елена. Москва: Новое литературное обозрение, 2009: 5–41].
- Stachewicz, Krzysztof. *Milczenie wobec dobra i zła. W stronę etyki sygetycznej i aprofatycznej*. Poznań: Wydział Teologiczny UAM, 2012.
- Teege, Jennifer. Sellmair, Nikola. *Amon. Mój dziadek by mnie zastrzelił*. Transl. Twardoch, Ewelina. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.
- Yakovlev, Vladimir, 2016 [Яковлев, Владимир, 2016] <<https://www.facebook.com/1206441856087060/photos/a.1214617398602839.1073741828.1206441856087060/1214765738588005>>.